

В.С. Аксенов
(Харьков)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ О МАДЬЯРО-САЛТОВСКИХ КОНТАКТАХ В ВЕРХНЕМ ПОДОНЦОВЬЕ

На примере находок отдельных вещей из катакомбных и грунтовых захоронений салтовской культуры у с. Верхний Салтов показаны контакты мадьяр времен пребывания их в Леведии с алано-болгарами Подонцовья.

Ключевые слова: салтовская культура, мадьяры, алано-болгары, поясная гарнитура, Верхний Салтов.

Памятники, которые связываются с мадьярскими племенами IX в. на территории современной Украины и сопредельных областях Российской Федерации, представлены отдельными небольшими могильниками и единичными комплексами, расположенными к востоку и к западу от основной области распространения лесостепного варианта салтовской археологической культуры (Иванов 1999, с. 96, рис. 15). По мнению ряда исследователей, они маркируют собой путь движения мадьярских племен с территории Южного Приуралья в Панонию, который проходил по границе Степи и Лесостепи (Иванов 1999, с. 97, 99-101). На территории распространения салтовской культуры (донской, степной и лесостепной варианты) памятники мадьяр не представлены. Таким образом, в цепочке пунктов на пути движения мадьярских племен образуется лакуна, которая вполне объяснима фактором подчинения мадьяр хазарам на

протяжении некоторого времени (Багрянородный Константин 1989, с. 159, 161, 163). Именно это время, длительность которого исследователи определяют по-разному, и было периодом наиболее тесных этнокультурных контактов между представителями мадьярских племен и алано-болгарским населением северо-западной окраины Хазарского каганата. Некоторые исследователи, например, М.В. Горелик, даже склонны считать, что с 30-х по 80-е годы IX века (после гражданской войны в каганате и присоединения к мадьярам потерпевших поражение от центральной власти кабар) огромная территория Хазарской империи к северу от Нижнего Подонья – Поднепровья стала Кабарией-Угрией (Горелик 2001, с. 180).

Следы контактов в виде проникновения отдельных элементов материальной культуры мадьяр в культуру салтовского населения Подонцовья нами уже рассматривались (Аксенов 2001, с. 113-115). Ко времени проявления таких контактов относится наконечник пояса из катакомбы № 5 Верхне-Салтовского IV могильника (рис. 1: 21), детали поясной гарнитуры из катакомбы № 56 того же некрополя (рис. 1: 2-4), серебряные штампованные бляшки из катакомбы № 40 Верхне-Салтовского I (главного) могильника (рис. 1: 17) (Аксенов 2001, рис. 1: 2, 5).

Ряд специфических мотивов в салтовском растительном орнаменте на предметах поясной гарнитуры позволили А.А. Белику выделить их в отдельную стилистическую линию, которая находит прямые аналогии в раннемадьярских памятниках второй половины VIII – первой половины IX вв. с территории Поволжья, Прикамья и Приуралья (*Белик 2002, с. 109-114*). Распространение так называемой «мадьярской» орнаментальной линии позволило этому исследователю предположить наличие довольно тесных культурных контактов между мадьярским и салтовским населением, начало которых он относит ко времени не позднее последней четверти (70–80-е годы) VIII века (*Белик 2002, с. 113*). Определяя время начала культурных контактов между мадьярами и лесостепным алано-болгарским населением Подонцовья, исследователь основывается на находках арабских серебряных монет чеканки 705–790 гг. в погребениях Больше-Тиганского, Стерлитамакского могильников (район Волго-Камья), Нетайловского могильника (Подонцовье) (*Белик 2002, с. 111–112*). Попытка датировки начала салтово-мадьярских контактов по находкам арабских дирхемов, зачастую превращенных в подвески или нашивки, без учета достаточно большого времени их запаздывания, не может не вызывать возражений. Не соглашаясь в этом вопросе с А.А. Беликом, нельзя отрицать сам факт проникновения элементов мадьярской художественной культуры в салтовскую среду. Свидетельством этому являются новые находки элементов поясной гарнитуры, выполненных в так называемой «мадьярской» художественной традиции, в материалах захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса.

Элементы поясной гарнитуры, исполненные с включением орнаментальных мотивов, характерных для раннемадьярских изделий, встречены в основном в захоронениях Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника. При этом в захоронениях могильника, в большинстве случаев, представлены вещи, в которых органично сочетаются салтовские и мадьярские элементы орнамента. Время су-

ществования данного участка некрополя у с. Верхний Салтов, с учетом чеканки найденных в захоронениях арабских дирхемов (наиболее молодая монета отчеканена в 806–809 гг. н.э., тогда как подавляющее количество монет появилось в 770–794 гг. н.э.), предварительно определено как первая четверть – третья четверть IX века.

В качестве наиболее часто встречающегося в салтовской поясной гарнитуре элемента «раннемадьярского» орнамента можно назвать трилистник с лепестками каплевидной формы. Именно трилистник (рис. 1: 27, 31, 32), встречающийся в разных вариантах (одиночный трилистник; серия трилистников, расположенных в виде древа жизни; сложные композиции из трилистников), является наиболее распространенным орнаментальным мотивом в украшениях поясных наборов ранних мадьяр Волго-Камья (*Халикова 1976, с. 170, рис. 4: 6, 11, 12; 5: 3, 4, 7; 11: 6, 7, 12, 13*). Подобные раннемадьярским трилистники с каплевидной формы лепестками представлены на салтовских штампованных серебряных бляшках из катакомбы № 44 (рис. 1: 1), литых бронзовых бляшках из катакомбы № 70 (рис. 1: 5), литых бронзовых бляшках сердцевидной формы, бляшках с подвижным кольцом и бляшках-оправах из катакомбы № 71 (рис. 1: 6–8), на штампованных серебряных бляшках щитовидной формы и бляшках с подвижным кольцом из катакомбы № 76 (рис. 1: 10, 11), литых бронзовых бляшках и бляшках с кольцом из катакомбы № 92, серебряных штампованных бляшках с псевдокольцом из катакомбы № 99 (погр. № 2) (рис. 1: 14). На ряде наконечников поясов типичный для салтовских древностей орнамент в виде мирового дерева, образованного цветками лотоса, выполнен из «раннемадьярских» трилистников. Такие поясные наконечники были найдены в катакомбах № 71, 78, 96, 99 (рис. 1: 9, 12, 13, 15). На литом серебряном наконечнике пояса из катакомбы № 78 трилистники венчают орнамент в виде мирового дерева, образованного бутонами лотоса (рис. 1: 12).

Интересно, что элементы орнамента, характерные для раннемадьярских изделий, использовались аланами Подонцо-

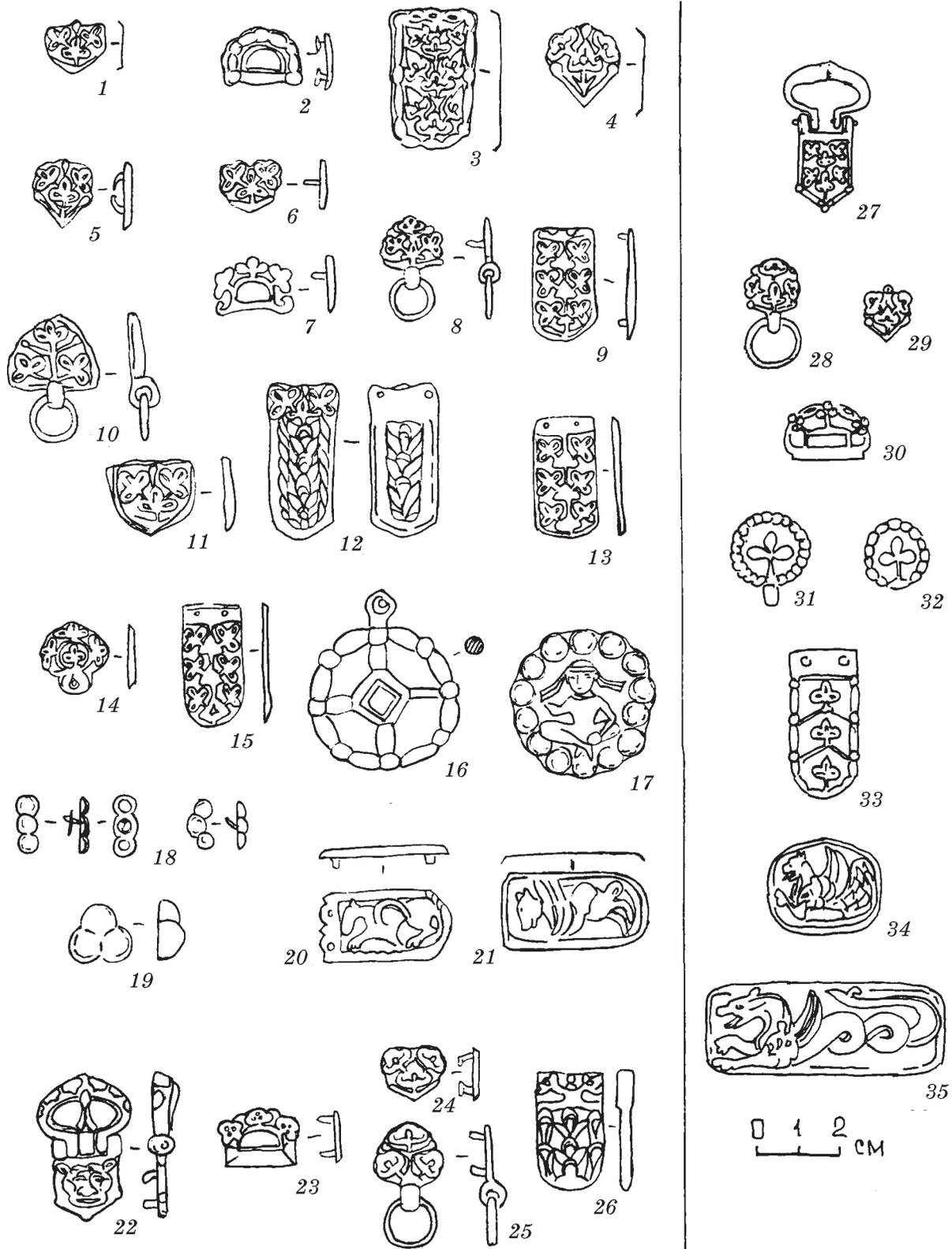

Рис. 1. Металлические детали поясной гарнитуры и амулет.

1-21 – из захоронений катакомбного могильника у с. Верхний Салтов; 22-26 – элементы поясной гарнитуры из погребения на селище Нетайловка 2; 27-35 – предметы гарнитуры пояса из захоронений Больше-Тиганского могильника.

1 – катакомба № 44 (ВСМ-IV); 2-4 – катакомба № 56 (ВСМ-IV); 5 – катакомба № 70 (ВСМ-IV); 6-9 – катакомба № 71 (ВСМ-IV); 10, 11, 19 – катакомба № 76 (ВСМ-IV); 12 – катакомба № 78 (ВСМ-IV); 13, 16 – катакомба № 96 (ВСМ-IV); 14-15 – катакомба № 99, погребение № 2 (ВСМ-IV); 17 – катакомба № 40 (ВСМ-I); 18 – катакомба № 37 (ВСМ-IV); 20 – катакомба № 92 (ВСМ-IV); 21 – катакомба № 5 (ВСМ-IV).

вья при изготовлении личных амулетов-оберегов. Так, из катакомбы № 96 происходит типично аланский (Плетнева 1989, с. 96, рис. 48; Ковалевская 1995, с. 135, рис. 1: 10-13) солярный «колесовидный» амулет с четырьмя спицами (рис. 1: 16). Отличительной особенностью данного изделия является исполнение внешнего круга амулета как цепочки из чередующихся между собой круглых и овальных в плане звеньев. Такими же «цепочками» довольно часто украшены раннемадьярские элементы поясных наборов (рис. 1: 27, 33) (Халикова 1976, рис. 4: 7-10; 5: 3-7; Бокий, Плетнева 1988, рис. 5: 1-6).

Наряду с такими синкретичными изделиями в захоронениях могильника встречаются украшения ремней, находящие прямые аналогии в мадьярских древностях Южного Приуралья. Таким украшениями являются небольшие бронзовые литые бляшки в виде цепочки из трех полусфер (катакомба № 37) (рис. 1: 18) и штампованные накладки в виде трех соединенных между собой полусфер (катакомба № 76) (рис. 1: 19). Эти предметы находят прямые аналогии в изделиях из захоронений Танкеевского могильника (Казиков 1992, рис. 60: 114, 115; 61: 9).

Для украшений мадьярского круга характерны изображения животных (рис. 1: 34, 35), реже – людей, в развитых образцах, восходящих к восточно-туркестанским образцам и окруженных рамками из чередующихся овальных и круглых звеньев (Горелик 2001, с. 172; Седов 1987, табл. С III: 9, 12, 13; Приймак, Супруненко 1994, рис. 32: 5; Халикова 1976, рис. 11: 15, 17; 12: 1, 2; *The ancient Hungarians* 1996, s. 338, 357, 372, 387). На раннемадьярских деталях поясной гарнитуры представлены крылатые кони и грифоны. В захоронениях Верхне-Салтовского IV могильника имеются единичные изделия с подобными изображениями. К ним относится уже упоминавшийся нами серебряный штампованный наконечник пояса из катакомбы № 5 (рис. 1: 21) (Аксенов 2001, с. 113-115) и бронзовый литой наконечник из катакомбы № 92 (рис. 1: 20). На обоих наконечниках, хотя они и выполнены в различной технике, представлен один и тот же образ

– крылатого грифона. При этом наиболее близким по стилю к раннемадьярским изображениям является грифон на серебряном штампованном наконечнике из катакомбы № 5.

Однако, наибольший интерес, с точки зрения возможного присутствия представителей раннемадьярского населения в районе Верхне-Салтовского городища, представляет разрушенное погребение на салтовском селище Нетайловка 2, доисследованное А.В. Крыгановым и С.В. Коноваловым в мае 2002 г. Селище Нетайловка 2 находится на песчаной дюне, расположенной на левом берегу Печенежского водохранилища (р. Северский Донец), в 200–300 м к северу от окраины с. Металловка, в непосредственной близости от хорошо известного археологам Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры (Аксёнов, Крыганов 2009, рис. 1).

Остатки раннесредневекового погребения были обнаружены в северо-западной стенке карьера (Аксёнов, Крыганов 2009, рис. 2: 1). Само погребение, верхняя часть костяка до пояса, оказалось частично срезанным ковшом экскаватора при выборке чистого материкового песка.

Сохранившаяся часть могильного пятна была зафиксирована на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности почвы. На уровне фиксации яма погребения имела форму вытянутого прямоугольника, с закругленными углами, ориентированного длинной осью по линии восток – запад (рис. 2: 1). Размеры сохранившейся части могильного пятна – 1,2-1,3 × 0,9 м. Стенки ямы отвесные, дно фиксировалось на глубине 1,25 м от уровня современной поверхности почвы. Заполнение – темно-серая супесь, которая своим более темным цветом лишь немного отличалась от материка. Последним выступал песок светло-желтого цвета. На дне ямы от человеческого скелета сохранились лучевые кости правой руки, фаланги пальцев, крупные фрагменты тазовых костей, а также кости обеих ног. Весь сохранившийся костный материал лежал в могильной яме в анатомическом порядке. По положению скелета было понятно, что умерший – мужчина был уложен в вытянутом положении

на спине, головой на восток (азимут 90°), левая рука, по-видимому, – прямая, правая рука – слегка согнута так, что кисть покоилась на правой безымянной тазовой кости. Ноги погребенного были перекрещены в районе щиколоток, вероятно, связаны. Череп мужчины был поврежден, видимо, в момент разрушения погребения экскаватором. В песчаной осыпи, ниже разрушенного края могильной ямы, обнаружена челюсть мужчины с хорошо сохранившимися зубами.

При погребенном обнаружен следующий инвентарь: в районе пояса были расчищены серебряные бляшки, пряжка и наконечник поясного набора (рис. 1: 1); возле левой безымянной тазовой кости лежали три железных черешковых ножа, скрепленные коррозией в один пакет (рис. 2: 2); на уровне коленного сустава левой ноги находился железный черешковый наконечник стрелы (рис. 2: 4), обращенный острием к западу; справа и слева от костей стоп ног лежало по железному стремени (рис. 2: 5-6), обращенных петлями к западу; возле подножки правого стремени обнаружено железное сбруйное кольцо и бронзовая пряжка-обойма от ремня путалища (рис. 2: 3, 7). У костей стоп ног лежал железный наконечник копья (рис. 2: 8), обращенный острием к западному торцу могильной ямы. В 3-4-х м к западу от погребения, на дне карьера найден железный клинок сабли, вероятно, вывернутый из погребения в процессе добычи песка.

В большинстве своем погребальный инвентарь, обнаруженный в данном захоронении, датируется достаточно широко – второй половиной VIII – IX вв. Это, в первую очередь, предметы вооружения и конского снаряжения, вещи хозяйственно-бытового назначения. Все они представлены типами, характерными для «классических» салтовских древностей (Плетнева 1989, рис. 34, 38, 45; Аксенов 2005, рис. 2: 11; 3: 19, 25-26; 4: 15, 20; 5: 22; Аксенов, Михеев 2003, рис. 3: 33; 5: 11, 30; 6: 6; 2006, рис. 19: 3; 41: 6; 55: 8; 63: 17; 72: 1; 80: 1; 81: 1; Криганов 1993, с. 56, рис. 1: 2, 6).

Для более узкой датировки данного погребения большее значение имеют эле-

менты поясной гарнитуры, обнаруженные в захоронении. Из погребения происходит серебряная поясная пряжка, наконечник пояса и 16 серебряных литых бляшек. Бляшки пояса представлены тремя видами. Вид 1 – бляшки сердцевидной формы (5 экз.) (рис. 1: 24). Поле бляшек украшено орнаментом в виде трех бутонов лотоса, два из которых отходят от межлепесткового пространства центрального бутона. В основании стебля центрального бутона видны расходящиеся в стороны стреловидные листья. Вид 2 – бляшки «оправы» подпрямоугольной формы, рамчатые (2 экз.) (рис. 1: 23). Верхний край бляшек оформлен в виде трех бутонов с листьями округлой формы и округлостями на тонких стеблях между ними. Особенно показательным, как нам кажется, является то, каким образом оформлено средоцветие всех трех бутонов на этих бляшках. Оно выполнено в виде строенных маленьких сквозных отверстий. Подобный мотив, но в виде строенных ягод на стебле, характерен для поясных бляшек из венгерских захоронений конца VIII – первой половины IX вв. (рис. 1: 30) (Халикова 1986, с. 170, рис. 11: 1-5, 11; Приймак, Супруненко 1994, рис. 32: 1, 4; Седов 1987, табл. С III: 4-5). Вид 3 – бляшки со щитком полукруглой в плане формы и с подвижным кольцом (9 экз.) (рис. 1: 25). Поле бляшек украшено орнаментом из трех бутонов лотоса на тонких стеблях, выходящих из одной точки, от которой отходят в стороны еще два стреловидных листа. Между двумя боковыми и центральным бутоном просматриваются две небольшие округлости на тонких стеблях, отходящих от центрального.

Поясной наконечник – серебряный, литой (рис. 1: 26). В плане он имеет форму вытянутого прямоугольника размером 2,4 × 1,3 см, нижний край которого закруглен. Следы потертости от длительного использования присутствуют и на лицевой, и на оборотной сторонах наконечника. На оборотной стороне они выражены сильнее. Поле наконечника украшено растительным орнаментом. Орнамент в нижней части прорезной и представляет собой мировое дерево, выполненное из цветков лотоса. Рамка, окружающая

центральный орнамент, украшена врезными изображениями цветков лотоса. В верхней части наконечника нанесен гравированный орнамент в виде строенных бутонов лотоса, два из которых на длинных стеблях расходятся из общего центра в противоположные стороны.

Поясная пряжка относится к типу треугольнорамчатых, с небольшим щитком пятиугольной формы (рис. 1: 22). Пряжка литая, серебряная, шарнирная. Общая длина пряжки – 2,9 см, ширина рамки – 1,8 см. Размеры щитка – 1,7 × 1,2 см. На обороте щитка имеются три шпенька для прикрепления пряжки к мягкой основе поясного ремня. Рамка пряжки украшена орнаментом из бутонов лотоса, обращенных внутрь рамки. По центру щитка расположено объемное изображение человеческой головы (?) в фас. Голова круглых очертаний. Волосы короткие, расчесаны на прямой пробор. Уши, имеющие листовидную форму, расположены по-звериному – на макушке. Брови переданы одним тонким валиком, переходящим в прямой тонкий нос с широко расходящимися крыльями. Глаза крупные, миндалевидной формы. Щеки округлой формы, пухлые. Нижняя часть лица расплылась в широкой улыбке. Губы тонкие, переданы одним прогнутым посередине валиком. Углы щитка пряжки оформлены в виде небольших полукруглых выступов, что визуально напоминает орнамент в виде цепочки из чередующихся между собой звеньев овальной и круглой формы, характерной для поясных наборов венгерского населения Восточной Европы конца I тыс. н. э. (рис. 1: 27, 33). Именно таким образом орнаментированы детали поясных наборов из комплексов Больше-Тиганского могильника (Халикова 1976, рис. 4: 7-10; 5: 3-7; 11: 11, 14), погребения воина из с. Субботицы (Бокий, Плетнева 1988, рис. 5), разрушенного венгерского захоронения с территории современной Полтавской области (Твердохлебы) (Приймак, Супруненко 1994, рис. 32: 5; Супруненко 2007, с. 80, рис. 103). Такой же ободок из чередующихся между собой звеньев овальной и круглой формы имеют отдельные литые бронзовые бляшки и серебряный штампованный наконеч-

ник пояса из катакомбы № 56 Верхне-Салтовского IV могильника (рис. 1: 3). Еще один штампованный наконечник от пояса с аналогичным бордюром происходит из дореволюционных раскопок катакомбного могильника у с. Верхний Салтов (катакомба № 33) (Покровский 1905, табл. XXI: 55).

В целом поясная гарнитура из данного захоронения имеет типичный «салтовский» облик, если не считать отдельные элементы орнамента, больше характерные для мадьярского круга древностей.

Показательно присутствие в данном погребальном комплексе стремян, не характерных для алаано-болгарского населения Подонья. Стремена из рассматриваемого захоронения представляют собой плавно согнутую, ромбическую в сечении, арку, которая составляет одно целое с петлей – вытянутой вверх пластиной округлой формы, с прямоугольной прорезью для крепления путалища (рис. 2: 5, 6). Подножки стремян представляют собой ровные пластины, прогнутые наружу. Именно прогнутость подножки этих стремян выделяет их из общей массы подобных изделий салтовского времени, для которых характерна или прямая, или слегка вогнутая внутрь подножка (Плетнева 1989, рис. 44). Стремена с прогнутой подножкой характерны, в основном, для памятников венгерского населения Прикамья (Халикова 1976, с. 154, рис. 5: 20), погребений мадьяр на пути их движения с территории Южного Урала в Паннонию (Бокий, Плетнева 1988, рис. 3: 2, 3; Приходнюк, Чурилова 2001, рис. 5: 6) и, непосредственно, для памятников северо-западной Венгрии (Kiss 2000, tab. IX: 2, 20, 86).

Таким образом, при общем праболгарском характере погребального обряда описанного захоронения (незначительная глубина, восточная ориентация, ноги перекрещены в щиколотках), в нем присутствуют элементы, связанные с материальной культурой мадьярских племен (стремени, орнаментальные мотивы на предметах поясной гарнитуры). Объясняется это тесными контактами алаано-болгар северо-западной Хазарии с раннемадьярскими племенами. Время этих контактов определяется по элементам

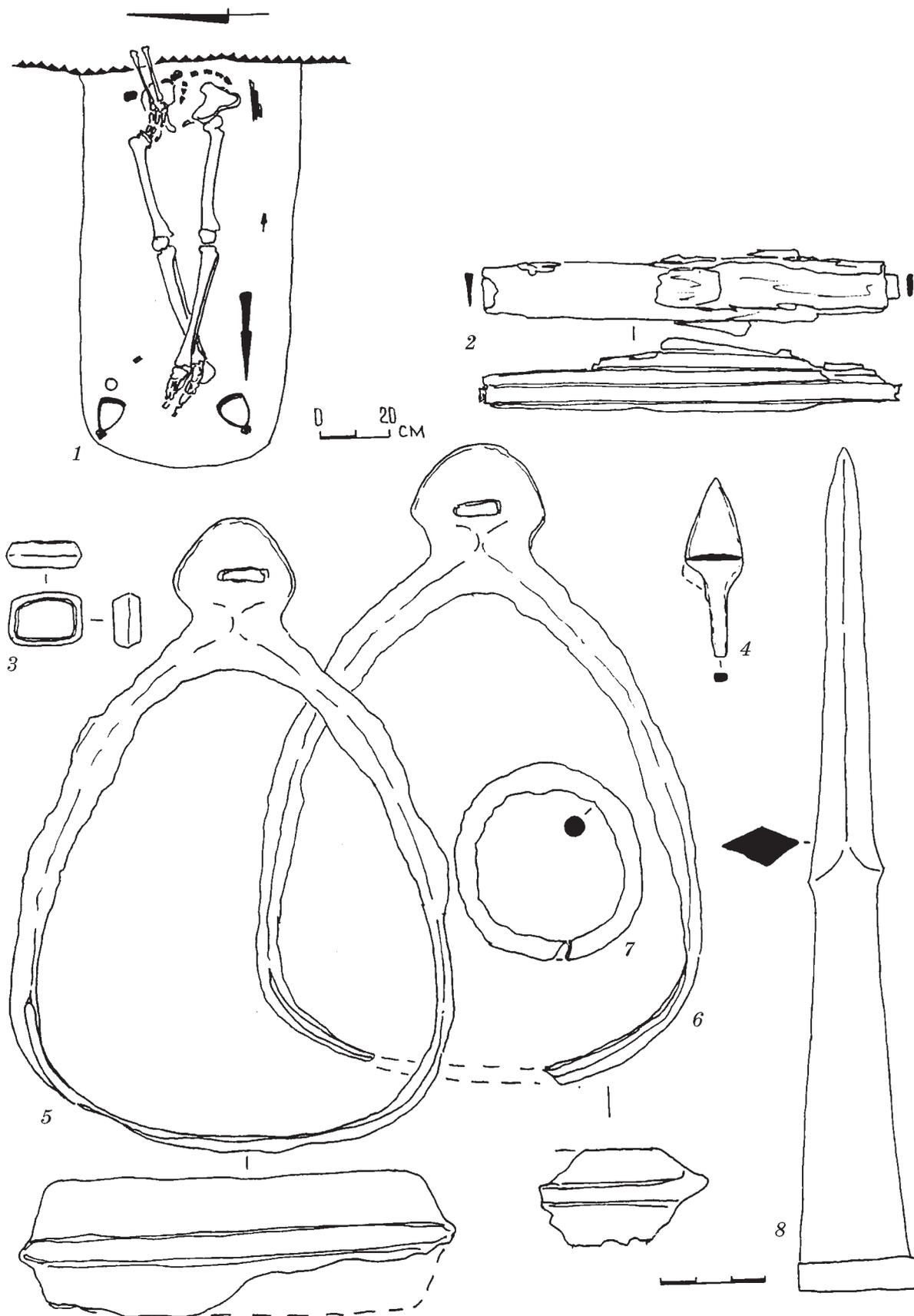

Рис. 2. Погребение на селище салтовской культуры Нетайловка 2.
1 – план; 2 – набор ножей; 3 – бронзовая пряжка-обойма; 4 – наконечник стрелы;
5, 6 – стремена; 7 – сбруйное кольцо; 8 – наконечник копья.

поясной гарнитуры. Так, детали пояса, обнаруженные в погребении на селище Нетайловка 2, характерны для поясных наборов III-го (бляшки сердцевидной формы) и IV-го (бляшки с подвесным колечком) хронологических горизонтов салтовской культуры (Комар 1999, табл. 4), что позволяет датировать захоронение серединой – второй половиной IX в.

Второй-третьей четвертью IX века датируются и погребальные комплексы Верхне-Салтовского IV могильника, из которых происходят рассмотренные выше детали поясных ремней, содержавшие элементы ранневенгерского орнамента. С этим согласуется и мнение Н.А. Фоняковой, определяющей время появления и освоения салтовскими ремесленниками такого орнаментального элемента как трилистник – серединой IX века (Фонякова 2010, с. 72). По наблюдениям исследовательницы, мотивы трилистника на поясах населения лесостепного варианта салтовской культуры «выполнялись почти исключительно в серебре и более тщательно, чем лотос. Они документируют процесс зарождения новой ремесленной художественной школы в недрах отмирающей старой» (Фонякова 2010, с. 72). Это перекликается с мнением М.В. Горелика, что в IX–X вв. в западной части Евразийских степей – от Урало-Каспия до Северного Причерноморья, – в поясной гарнитуре господствовали два основных стилистических направления – «салтовское» и «венгерское», которые постоянно взаимодействовали и могли механически смешиваться в одних комплексах, положив тем самым начало формирования интернационального образа мужа-воина (Горелик 2001, с. 172, 173).

Рассмотренные салтовские изделия в целом не выходят за рамки периода пребывания мадьяр в Леведии, который определяется 30–90-ми гг. IX в. (Цукерман 1998, с. 666). Как известно, во время проживания мадьярских племен в Леведии, они находились в союзнических отношениях с Хазарскими каганатом, вместе участвовали в определенных военно-политических кампаниях (Багрянородный Константин 1989, с. 159, 161, 163). Следовательно, время пребывания мадьяр в Леведии и было пе-

риодом наиболее интенсивных контактов населения северо-западной части каганата с ними, когда формировался смешанный салтово-венгерский художественный стиль в оформлении поясной гарнитуры. Это, тем более, вероятно, если признать в кабарах письменных источников население бассейна Северского Донца, оставившее после себя кремационные могильники Сухая Гомольша, Новая Покровка, отдельный кремационный комплекс у с. Кочеток, биритуальный некрополь Красная Горка и грунтовой ингумационный Нетайловский могильник (Комар 1999, с. 168; 2005, с. 213). С третьей четверти IX века территория от Среднего Подонцовья до Среднего Приднепровья принадлежала союзу восставших против центральной Итильской власти племен (кабар), которые занимали северо-западную часть Хазарии, и мадьярам (Комар 1999, с. 168). Союз кабар и мадьяр Леведии, по мнению ряда исследователей, успешно противостоял центральной Хазарской власти и политически, и экономически (Горелик 2001, с. 179-180). Последнее может быть косвенно подтверждено материалами уже рассмотренного выше погребения с селища Нетайловка 2. При почти рядовом характере захоронения, поясной набор погребенного человека достаточно показателен. Так, общий вес серебряных деталей от поясного ремня составляет 39,15 г (средний вес одной бляшки сердцевидной формы – 1,37 г; одной бляшки-оправы – 1,3 г; одной бляшки с кольцом – 2,2 г; наконечника – 4,32 г; пряжки – 6,6 г), что, с учетом потери металла при отливке, равняется 14-15 серебряным арабским дирхемам (вес 2,83-2,87 г). Учитывая высокую покупательную способность серебряного дирхема в то время (за один серебряный дирхем в Праге (965 г.) можно было получить 25 кур или 75 дневных рационов пшеницы для одного человека, или 100 дневных рационов ячменя для лошади (Лебедев 2005, с. 325), можно предположить, что погребенный на Нетайловском селище мужчина-воин был хорошо обеспеченным в имущественном отношении человеком.

Таким образом, можно утверждать, что при отсутствии пока достоверных материалов, подтверждающих присут-

ствии в районе Верхнего Салтова (политического центра Северо-Западной Хазарии), да и вообще, в Верхнем Подонцовье представителей мадыр, в материальной культуре алано-болгарского населения зафиксированы отдельные элементы раннемадырской культуры. Особенно ярко эти элементы представлены в орнаменте металлических деталей салтовских поясов-портупей, являющихся важнейшим аксессуаром евразийского мужчины-воина. Смешанный (салтово-мадырский) характер орнамента на целом ряде деталей поясной гарнитуры однозначно свидетельствует, что 30–80-х гг. IX в. для населения Северо-Западной Хазарии было временем наиболее тесных контактов с мадырами.

Аксенов 2001

Аксенов В.С. Контакты венгров с аланами в IX веке – взаимопроникновение культур / В.С. Аксенов // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: ТД межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 12-15 апреля 2001 г.). – Ставрополь, 2001. – С. 113 – 115.

Аксенов 2001

Аксенов В.С. Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника / В.С. Аксенов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). – Самара, 2001. – Т. 2. – С. 132 – 140.

Аксенов 2005

Аксенов В.С. Комплексы с конскими начельниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника / В.С. Аксенов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 4: Хазарское время. – Донецк: изд. Дон. НУ, 2005. – С. 245 – 260.

Аксенов, Крыганов 2009

Аксенов В.С. Захоронения на селище салтовской культуры Нетайловка 2: к вопросу о салтовско-венгерских культурных контактах / В.С. Аксенов, А.В. Крыганов // Дивногорский сборник. – Выпуск 1: Археология. – Воронеж, 2009. – С. 23 – 37.

Аксенов, Михеев 2003

Аксенов В.С. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка / В.С. Аксенов, В.К. Михеев // Vita antiqua. – Киев, 2003. – № 5-6. – С. 179 – 191.

Аксенов, Михеев 2006

Аксенов В.С. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В.С. Аксенов,

В.К. Михеев // Хазарский альманах. – Т. 5. – Киев-Харьков, 2006. – 308 с.

Багрянородный Константин 1989

Багрянородный Константин. Об управлении империей / Багрянородный Константин. – Москва, 1989.

Белік 2002

Белік О.О. Поясні набори із салтівських пам'яток як індикатор салтово-мадырських контактів / О.О.Белік // Археологія. – Київ, 2002. – № 2. – С. 109 – 114.

Бокий, Плетнева 1988

Бокий Н.М. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула / Н.М. Бокий, С.А. Плетнева // Сов. археология. – Москва: Наука, 1988. – № 2. – С. 99 – 115.

Горелик 2001

Горелик М.В. Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси / М.В. Горелик // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). – Самара, 2001. – Т. 1. – С. 169 – 185.

Иванов 1999

Иванов В.А. Древние угро-мадыры в Восточной Европе / В.А. Иванов. – Уфа, 1999.

Ковалевская 1995

Ковалевская В.Б. Хронология древностей Северокавказских алан / В.Б. Ковалевская // Аланы: история и культура. – Владикавказ, 1995. – С. 123 – 183.

Комар 1999

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) / А.В. Комар // Vita antiqua. – Киев, 1999. – № 2. – С. 111 – 136.

Комар 1999

Комар О.В. Коментарі до статті: Тахтаї А.К. Погребальний комплекс хазарської епохи із округи г. Чистяково Сталинської області / О.В. Комар // Vita antiqua. – Киев, 1999. – № 2. – С. 165 – 169.

Комар 2005

Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным / А.В. Комар // Хазары: Евреи и славяне. – Москва-Иерусалим, 2005. – Т. 16. – С. 207 – 218.

Криганов 1993

Криганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння / А.В. Криганов // Археологія. – Київ, 1993. – № 2. – С. 52 – 62.

Лебедев 2005

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Лебедев Г.С. – СПб., 2005.

Плетнева 1989

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С.А. Плетнева. – Москва: Наука, 1989.

Покровский 1905

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник / А.М. Покровский // Труды XII АС. – Москва: изд. МАО, 1905. – Т. 1. – С. 465–491.

Приймак, Супруненко 1994

Приймак В.В. Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобелякского района / Приймак В.В., Супруненко А.Б. // Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворскля. – Москва-Полтава, 1994. – С. 81 – 85.

Приходнюк, Чурилова 2001

Приходнюк О.М. Коштовності з с. Корбчине на Дніпропетровщині / О.М. Приходнюк, Л.М. Чурилова // Археологія. – Київ, 2001. – № 1. – С. 96 – 105.

Седов 1987

Седов В.В. Венгры в Восточной Европе / В.В. Седов // Финно-угры балты в эпоху средневековья. – Москва: Наука, 1987. – С. 236 – 239.

Супруненко 2007

Супруненко О.Б. Курган з угорським некрополем у пониззі Псла / Супруненко О.Б. – Київ-Полтава: Гротеск, Археологія, 2007. – 110 с.

Фонякова 2010

Фонякова Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – X вв. по материалам художественной металлообработки / Н.А. Фонякова. – Казань, 2010.

Халикова 1976

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья / Е.А. Халикова // Сов. археология. – Москва: Наука, 1976. – № 3. – С. 141 – 156.

Цукерман 1998

Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836 – 889 г. / К. Цукерман // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. VI. – С. 663 – 688.

Kiss 2000

Kiss G. Vas megye 10-12 szazadi sir - es Kincsleletei / G. Kiss. – Szombathely, 2000. – 442 s.

The ancient Hungarians 1996

The ancient Hungarians: Exhibition Catalogue. Edited by István Fodor. Hungarian National Museum. March 16 – December 31 1996. – Budapest, 1996.

В.С. Аксенов

**НОВІ МАТЕРІАЛИ ДО ПИТАННЯ
ПРО МАДЯРО-САЛТІВСЬКІ КОНТАКТИ
У ВЕРХНЬОМУ ПОДОНЦОВ'І**

На території розповсюдження салтівської культури (донський і степовий варіанти) пам'ятки маляр не відомі. Таким чином, у ланцюгу пунктів на їх шляху з Південного Приуралля до Панонії виникає лакуна, котра пояснюється фактом підпорядкування маляр-

ських племен хозарам у період з 30-х по 80-ті роки IX століття. Саме цей час був періодом найбільш тісних етнокультурних контактів між представниками мадярських племен і алано-болгарським населенням північно-західної Хозарії. Підтвердженням цьому служать знахідки в катакомбних похованнях другої – третьої чвертей IX ст. Верхньо-Салтівського некрополя предметів поясної гарнітури, в яких присутні орнаментальні мотиви, що є характерними для ранньомадярських виробів: зображення трипелюсткової квітки з пелюстками краплеподібної форми, потроєних ягід на стебельці, бордюру у вигляді ланцюга з круглих та овальних елементів-ланок. Показовим є і частково зруйноване ґрунтове поховання, що було досліджене на селищі Нетайлівка 2. Крім предметів поясної гарнітури, що мали деякі елементи ранньомадярського орнаменту, у похованні були представлені типові для маляр стремена.

Наведені матеріали свідчать, що за відсутності достеменних джерел, котрі підтверджують присутність в районі Верхнього Салтова (політичного центру північно-західної Хозарії) маляр, в матеріальній культурі алано-болгарського населення зафіксовані окремі елементи ранньомадярської культури. Особливо чітко ці елементи представлені в орнаменті металевих деталей салтівських поясів-портупей, які були важливим аксесуаром євразійського чоловіка-воїна. Час існування синкретичного (салтово-мадярського) стилю в оформленні поясних наборів населення північно-західної Хозарії припадає на 30-80-ті рр. IX ст.

Ключові слова: салтівська культура, маляр, алано-болгари, поясна гарнітура, Верхній Салтів.

V.S. Aksyonov

**NEW MATERIALS ABOUT PROBLEM
OF HUNGARIANS-SALTIV CONTACTS
IN THE UPPER PODONTSOVJE**

In the area of steppe and forest-steppe variants of the Saltiv culture there are no Hungarians sites. So there is a gap in the chain of points in the path of Hungarians from South Urals to Pannonia. This lacuna can be explained due to the fact of the submission Hungarians to Khazars during 830-890. This time was a period of close ethnic and cultural contacts between representatives of Hungarian tribes and populations of Northwest Khazaria. Items of the waist suite found in the burials of catacomb Verkhniy Saltiv necropolis are the proof of such contacts. Among such items there are ornamental motifs appropriate to early-Hungarians products (images of the trefoil with tear-shaped petals, triple berry on a stem, border of alternating round and oval links).

Unearthed on settlement «Netailivka-2» partially destroyed ground grave is typical in this aspect. Except the elements of the waist suite designed with some features of the early-Hungarians ornaments in this grave were found typical Magyar stirrups. These data indicate that the individual elements of the early-Hungarians culture are registered among the material culture of the Alan-Bulgarian population, though there is no reliable evidence of the presence of Magyar in

the Verkhniy Saltiv. Quite distinctively these elements are presented in the ornament of the metal waist suite, known as an essential accessory of Eurasian soldiers. The time of existing of syncretic Saltiv-Magyar style in the decoration of the waist suite of the population Northwest Khazaria falls on the 830th – 880th.

Key words: Saltiv culture, Hungarians, Alan-Bulgarian, waist suite, Verkhniy Saltiv.

Аксенов Виктор Степанович

кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Харьковского исторического музея, специалист по средневековой археологии междуречья Днестра и Дона

e-mail: aksyonovviktor@gmail.com, тел. +38 095 869-31-89

61003, Украина, г. Харьков-3, ул. Университетская, 5, Харьковский исторический музей